

Юрий Нестеренко

Рукопись, не найденная никогда

96 SHEETS • 5 x 5 QUAD
10 1/2" x 7 1/2" • 53-110

NATIONAL BLANK BOOK COMPANY, INC.
HOLYOKE, MASSACHUSETTS 01040-Made in USA

Октябрь. Не знаю, какое точно число.
Нас осталось шестеро. Рыжей девочке,
Той, что мы выбрали на бензопилке,
Не повезло.
Не знаю, зачем ее понесло
В тот дом. Ну да, он выглядел чистым,
Но как будто теперь это что-то значит...
Она была первым среди нас оптимистом.
Ни разу не видел, как она плачет,
Хотя в ее возрасте можно бы ожидать...
Она вела наш дневник в толстой школьной тетради.
Хоть я говорил ей - какого, мол, хрена ради?
А она отвечала, что хочет его издать,
Когда все это кончится, что, мол, будет бестселлер,
Купит виллу, мол, и пригласит нас на новоселье...
Может быть, это ее был дом.
Мы ведь так и не знали, откуда она была родом.
Джим успел два раза вцепиться по этим уродам,
А после - и сами ноги унес с трудом.
Я стрелял в нее, но промазал. Она кричала.
Ее рюкзаки и тетради - все осталось там.
Дневник уже, ясно, не восстановится сначала,
Но я решил, что продолжу записи сам.
Она вечно таскала с собой несколько книжек.
Ей исполнилось восемнадцать на той неделе.
Как и все остальные, я звал ее "Рыжик".
Не знаю, как ее звали на самом деле.

К хорошему привыкаешь быстро. К плохому тоже.
Я про это читал, а теперь убедился сам.
Нынче, ногтями скребя по небритой роже
И грязными спутанными волосами,
Я сам себе еще поверил, когда припомнил,
Что считал проблемой поломку кондиционера,
А как можно жить без мобильника, просто б не понял...
Стоило полугато диллом инженера,
Чтоб не уметь завести мотор без ключа!
То ли дело диллом врача.
Док лечит нас от всего - чесотки, ангины, колит,
Водерну Джиму зуб (Джим орал благим матом).

На самом деле, вообще-то, он гинеколог.
Ну хорошо хоть не патологоанатом.
Вши достали. Хоть док говорит - они не опасны.
Ну, ему легко говорить - он лысый.
Утром полез в мешок проверить припасы
И столкнулся нос к носу с огромной крысой.
Угуяла, тварь, сквозь весь полиэтилен...
Крысам все нипочем, а собаки и кошки сдохли.
Ладно, мы тоже выдержим - вшей ли, блох ли...
Был среди нас пужон по имени Глен -
Весю из себя этаким смоб-чистюля,
Каждое утро причесывался и брлся...
Ну так вот он спалился
Самым первым, еще в начале июля.
Как? Да попросту принял душ
В доме с еще работающим водопроводом.
Со дня, когда началось, стояла жара и сушь,
И мы не знали еще, что воду
Брать можно лишь из закупоренных бутылок...
Пришлось всадить две пули ему в затылок
(Первый встретил его не убил).
Сам виноват, debil.

Кстати, о гинекологии. Женицын у нас две штуки
(После убели Рыжика): Дора и Анна-Лу.
Дора - типичный образчик прожженной суки:
Теперь она спит на полу,
А раньше была топ-менеджером по рекламе
В неполные тридцать - карьера изрядной стервы!
Когда началось - забаррикадировалась столами,
Две недели жрала собачьи консервы,
Когда надоела изжога - пошла на прорыв
При помощи одного лишь кухонного ножа,
Выпрыгнула с девятого этажа,
За собою устроив пожар и взрыв
(Там в трубах еще оставался газ).
Внизу был мент над кафе, он ее спас.
Сейчас ее трахает Джини,
А мы все рядом лежим.
Уединение нынче - непозволительный шик,
Даже в сортир не ходим по одному.

Пастор и тот смирился (как Бог и велит ему).
Он вообще нормальный мужик
(Я про пастора, а не про Бога) - хранит в уму,
Как ни в чем не бывало. А Анна-Лу -
Типичная домохозяйка под пятьдесят:
Отвислые груди, крашенные кудряшки,
Круг интересов - ток-шоу, кухня и сад,
Сына возила в школу, гладила мужу рубашки,
Была активным членом в местной общине,
Устраивала благотворительные вечеринки
И, скорее всего, ни одному мужжине,
Кроме мужа, не расстегивала ширинки.
Особенно преуспела по части готовки,
И даже теперь, когда нет ни одной духовки,
А есть лишь костер и консервные банки,
Умудряется не снижать планки.
Тут мы с ней не тягаемся: это - ее вершина,
В остальном же она достаточно неуклюжа.
Даже трудно поверить, что она зарезала сына
После того, как он загрозил ее мужа.

Снова пытались найти годный автомобиль,
Но, похоже, в округе на много миль
Ни одного, что заводится с толкача,
А аккумуляторы, ясно, сели.
Зря мы бросили старяга
Тот рыдван, на котором жились доселе.
Он все же был не так уж и плох.
Ну да - мотор постоянно плох,
Но может, все же смогли б его починить...
А впрочем, что толку теперь друг друга винить.
Коль не случится чуда,
Придется пешком уходить отсюда,
Но это еще полбеды,
Ибо главный вопрос - куда?
Консервов пока хватает, но вот запасы воды...
Тут ведь как: соваться в крупные города -
Чистое самоубийство (там этими все кишит).
А в глуши,
Где практически ни души,
Все трудней находить бутылки.

Такие вот предпосылки.
Пастор молится Богу,
Чтоб нам указал дорогу.
Ну-ну.
Я, пожалуй, засну.

Идем на север, то есть - навстречу зиме.
Это, конечно, хреново, но на юге мы уже были.
У нас осталось три пластиковых бутылки,
В каждой - по полаллона. Мы будем в полном дерьме,
Ежели быстро не сойдем новых.
Впрочем, оно не впервой.
Что еще хреново -
Как только над головой
Сгущаются тучи или хотя бы там облака
(Чего от них ждать - не известно наверняка) -
Бросай все и прячься под крышу или под пленку.
Или вот в школьный автобус. Труп ребенка
С вырванным горлом и вспоротым животом,
Мы вытолкали наружу, но здесь по-прежнему жутко.
Воняет. Деваются куда-то - дышим ртом.
Дождь идет третий час без малейшего промежутка.
Столько воды - и ни пить нельзя, ни умытья!
Достаточно несколькими каплями попасть на кожу...
За окнами поет из лужи нагая птица -
Они, в основном, целели. И зиме тоже.
От укуса зиме погиб спецназовец Пит -
Смешно: пройдя все это, пройдя Ирак...
А не расслабляйся, не будь дурак!
Пастор снова молится. Доктор спит.
Снаружи сгущается мрак.

Проклятое! Мы напали на большую стаю.
Или, точнее - она на нас.
Гнались за нами две мили, потом отстали.
Пришлось истратить почти весь боезапас.
Док говорит - они устали объединяться, и
У них появилась координация.
Понагалу-то больше бродили поодиночке...
Ну хоть дождь кончился вовремя, слава Богу,
А то бы нам точно не пережить той ночи...

Анна-Лу подвернула ногу,
Но бежала вместе со всеми, не чуя боли,
И даже не бросила вещейшек.
Но это, конечно, не сила воли,
Это просто шок.
Теперь он прошел, и она непрерывно хнычет,
Чем, признаться, достала всех нас.
Вот прямо сейчас Джинн в нее пушкой тычет
И орет - не заткнешься, мол...
Пастор к нему подошел
И - ого! - дал ему в глаз!
Вот вам и "подставите другую щеку!"
Утихомирили Джинна при помощи дока -
У него еще остались таблетки...
Дора зажала уши и ходит, как зверь по клетке,
Теперь - отвернулась от нас и глядит в окно.
Скоро снова станет темно.
Фермерский дом, где сделали мы привал,
Был, видно, заброшен еще до того, как все началось,
Что жаль. Мы рассчитывали на подвал,
Однако пополнить припасы снова не удалось.
Не то что патроны и воду - хотя бы спички...
Джинн, охлемавшийся после стычки,
Бурчит - вот до чего довел любимику этот урод
В Белом Доме. Док считает наоборот -
В упертости республиканцев, мол, вся беда...
Самое время поспорить о политике, да.
Забавно: среди нас только Джинн не имеет диплома,
Даже Анна-Лу в юности что-то кончала...
Хотя у нее и нет перелома,
Не думаю, чтобы утром ей полетало.

Сегодня с утра
Док озвучил то, что ясно было вчера:
Анна-Лу не сможет ни идти, ни тем паче бежать -
В лучшем случаековылять.
По-хорошему, ей бы еще лежать
Дней, как мишкицы, пять,
В крайнем случае - три.
Но мы не можем столько сидеть внутри -
Мы должны искать воду.

Тем более, в такую погоду,
Когда погут на несколько дней зарядить дожди,
Не иметь запасов смерти подобно.
Да и стая, что мы оставили позади,
Нас постигнуто еще способна,
И у нас слишком мало патронов,
Чтобы держать оборону.
"Мы не можем рисковать всеми ради одной",
Сказал я. Джими и Дора согласились со мной.
Док сперва воздержался; потом, не глядя в глаза
Анне-Лу, поднял руку "за".
Против был только пастор. Джими сказал - оставайтесь с ней,
Но водой с оставшимися мы не можем делиться.
Пастор выдал из себя, что будет молиться
За Анну-Лу, но нам четверым он нужней.
Что, конечно, Брехня,
Но все сделали вид, что поверили, не исключая меня.
Анна-Лу, похоже, не верила, что мы уйдем,
Но когда убедилась, что это всерьез - слезы дождем.
Живых мы не бросали еще никогда,
Но все когда-то бывает впервые, да.
Мы обещали вернуться, если отыщем воду недалеко.
Оставили ей пистолет, четыре пули, консервы:
Томаты, зеленый горошек, сгущенное молоко,
Клубнику в сиропе - какое-то, но питное,
И, поскольку нам действовало на нервы
Ее питание,
Зашагали прочь максимально быстро.
И, когда прошли уже ядов триста,
Мне показалось - сзади донесся выстрел.
Один. Все смиммировали плухоту,
Никто не пробовал оглянуться.
Лишь позже я понял нашу неправоту -
За консервами следовало вернуться.

День начинался удачно: свернув под запрещающий знак,
Наткнулись на недоразграбленный магазин.
То есть на первый взгляд там был обычный бардак:
Осколки разбитых витрины,
Вскрытая неким кретином касса
(На кой ему теперь деньги?), сирадная масса,

В которую превратились рыба, фрукты и мясо,
И - никаких не портящихся припасов.
Но в самом вонючем углу
Мы увидели дверь в подсобку
И в ней на полу
Нашли большую коробку
С фруктовым коктейлем - химическая бурда:
Пять процентов сока, добавки, сахар, вода.
В прежней жизни бы мы за что... А теперь открыли
И прямо на месте выпили две бутылки.
Прочее, что сумели, раскидали в мешки -
И услышали гуржие смешки.
В общем, нас накрыла другая группа -
Нет, не эти. Такие же пародеры
(Ну а кто мы, если шмонаем трупы
И дома, взламывая запоры?)
Их было четверо. В форме. Трое солдат и коп.
Они нас мгновенно взяли на мушкет.
Из нас - один только Джим успел выхватить пушку
И то одному, то другому целился в лоб.
(К счастью, они не знали, что там лишь пара патронов.)
"Почему бы нам не разойтись, никого не трогай?"
А коп в ответ, на него наставив двустволку -
"Отдайте нам вашу воду - или же телку."
Я боялся - Джим станет валять дурака,
Но он знал: отбиваться - погибнуть наверняка,
И без воды нам тоже хама.
"Дора, прости..." "Да иди ты на!" -
Закричала она, и еще - о маленьком члене,
И сама шагнула к этим парням.
Коп велел ей встать на колени,
Ну а нам -
Наши задницы уносить.
Мы себя не заставляли дважды просить.
Не знаю, правда они служили
В армии и полиции, или
Эта их форма снята с мертвецов -
Не все ли равно, в конце-то концов?
От прошлых регалий, правки и всей такой лабуды
Полозы теперь не больше, чем от воды,
После того, как она допита.

Был у нас Хантер, погибший еще до Питта;
Вообще-то он был адвокатом,
Известным и очень богатым.
Работал на всякие лобби,
А охота была его хобби,
Чем, в итоге, и стал он ценен для нас -
Стрелял он просто на редкость!
Даже Пит, несмотря на его спецназ,
Не демонстрировал подобную меткость.
Это вам не от пуза всером, по армейской норме -
Охотник тратит патроны так, что будите любезны...
Спался на том, что не смог выстрелить в копа в форме.
Не все рефлексы полезны.

Итак, мы теперь вчетвером.
Искали патроны с утра.
Сперва стояла жара,
Потом услышали гром
И еле успели укрыться в какой-то церквучке,
Где, конечно, не сыщешь ни пушки,
Ни боекомплекта для таковой
(Хоть окна узкие, как амбразуры).
На кресте, со скальпированной головой
(Очевидно, по типу тонзуры)
Висел священник, мертвый уже давно.
Пастор шарахнулся было обратно, но
Местность уже накрыло дождем.
Так что сидим тут теперь и ждем.
Мухи гудят. По стеклам вода рекой.
Пастор молится за упокой.
Зажгли все свечи, но в церкви темно, как в штольне,
И главное - что вокруг, не видно.
Мы с Джином полезли на колокольню
За окрестностями наблюдать -
И сразу увидели стаю. Минимум двадцать
Резво топчущих по грязи,
А впереди, пытаясь от них оторваться -
Какой-то тип в плаще и противогазе,
Чешущий прямо к нам!
Есть же еще дураки на свете.
Неужели он верил, что эти

Не смогут войти в Божий храм?
А может, дело было не в вере,
А в надежде на крепкие двери.
Но от толпы они не спасут -
Рано ли, поздно, но их снесут;
В дождь или некуда торопиться.
И значит, этот туника,
Себе и нам на беду,
Тащил к нам всю эту орду.
Крика бы он не услышал, а услышав - вряд ли бы выжил...
Короче, с третьего выстрела Джими его снял.
Мы видели, как они растерзали тело...
Снизу поднялся пастор, спросил, в чем дело.
Услышав, как развивались события -
Вдруг взбеленный: как мы можем
Стрелять в того, кто искал укрытия
В доме Божьем?
Джими не полез за словом в карман для ответа:
"Да - в доме вашего Бога, устроившего все это."
Раньше у пастора было больше мозгов.
Он ведь и сам не раз стрелял во врагов.
Но после того, как мы бросили Анну-Лу и Дору,
Вел себя подозрительно тихо.
Вот не хватало теперь нам только раздора
Или общества психа.

Снова искали патроны, но все напрасно -
Словно в округе жили одни пацифисты.
Да, ненасилие - это прекрасно...
Хотя, скорее, здесь потому все чисто,
Что нас уже кто-то опередил.
В одном из домов нас встречал крокодил
Футон, наверное, семь длиной,
Гревшийся на террасе
С полным презрением к человеческой расе.
Пришлось обойти этот дом стороной.
Зато при осмотре другого дома
Вместо патронов наткнулись на Тома.
Он мирно спал, когда мы ввалились гурьбой,
Но сразу же попросил, чтоб мы взяли его с собой.
А у самого - ни еды, ни воды, ни пурь,

Короче - в плане полезности полный ноль.
Джими спросил, что он может нам дать,
И он ответил, что умеет летать.
Что он, мол, не просто Том, а Капитан Том,
Водивший в Европу "Боинги" и "Эрбасы",
И, если теперь мы с ним разделим припасы
И проберемся вместе на аэродром,
То он нас сумеет доставить за океан.
Джими заявил, что это хреновый план,
Что в Европе уже все то же дерьмо, не иначе,
А если и нет - нас грохнут на всякий случай
Еще на подлете. Но Том сказал: "Ты дослушай!
Пока Батарейки не сели, я принимал передачи
Из Мелбурна. Там все в порядке. Вижу вакцину.
И нам не грозит ничего серьезнее карантина."
Я на это заметил: "Проблема в том,
Что этих в крупных аэропортах - завалило."
"Скорее всего, уже нет", - ответил мне Том.
"Порвали, кого могли, потом разбрелись
Кто куда, в основном в города -
Им ведь тоже нужна еда."
Короче, мы опять внятером,
И цель - международный аэродром.
Лайнер надо еще подготовить к полету -
Надеюсь, об этом достаточно знает Том,
К тому же придется лететь без второго пилота,
Но пусть об этом болит голова потом.

Нам везет. Наткнулись на место старого боя:
Когда здесь еще пытались создать карантин,
Какой-то парень решил поиграть в ковбоя
И рванул на прорыв, кретины,
Обшив стальными листами свой грузовик
И взявши два автомата и дробовик.
Проломил баррикаду и застрял на шинах.
Судя по отверстиям в черепах,
Жизнь свою продал не без борьбы,
Но в итоге, конечно, все же подох.
А дальше притопали эти на шипы пальцы
И уцелевших солдат застали врасплох.
Наши трофеи: патроны, воды три кварты

И, между прочим, бумажные карты -
Редкая ценность в эпоху сплошных GPS!
Черт побери прогресс...

Итак, мы снова идем на юг.
Когда не прорвемся, то нам каяк,
Но там - ближайший аэродром.
Джим бурчит, что это добром
Не кончится, что там все разорено,
Что надо топать на север, но
Идет вместе с нами - куда деваться?
Идти в одиночку - точно так нарваться.
Но джимову мысль поддержал и док
(Вот старый дурак, промолчать не мог!),
Отвечив "не факт!" на его вопрос,
Переживут ли эти мороз.
Обратное тоже не факт, заметим -
Черт его знает, что нужно этим,
Пока что их брали разве что пумы,
Но мы наблюдали их лишь с плеча;
Что ждать от мороза, снега, зимы -
Кто скажет точно? Точно не мы.
Это известно где-нибудь в Чили
(Жаль, что испанский мы не умим),
Но Том говорит, что он свой сигнал
Лишь из Австралии принимал.
Так что сомнительно, и весьма,
То, что спасенье несет зима.
Аэропорт - надежнее шанса.
Эх, не распался бы наш альянс...

Льет третий день - лишь краткие перерывы.
Нас еще пятеро, мы еще живы,
Однако сидим, как в ловушке,
В очередной церквушке.
Вовремя мы добежали сюда -
Пара минут еще б, и беда,
Ввалились, кляня погоду,
И увидели кучу народу.
Наверное, там вся община была,
Священник на кафедре, все дела...

Я подумал, что мы не видали сразу
Столовых, не подцепивших заразу,
Словно бы Бог и вправду их спас...
А потом они заметили нас.
Джип, отдадим ему должное, первый начал палить
И почти сразу же пастора смог завалить.
В смысле, не нашего пастора, а того...
Брызнуло это белесое вещество,
Эти, утратив вождя, чуть снизили проты,
Так что мы все успели огонь открыть.
Но все равно - от такой отбиться оравы...
Я становлюсь староват для такой забавы.
Мы, отступив к стене,
Встали спиной к спине,
Лупили по ним в упор...
У Тома заело затвор,
Но, в результате сей доблестной обороны,
Эти закончились раньше, чем наши патроны.
Позже док, осмотревши нашу у входа,
Предположил заражение через святую воду,
Но и потом продолжали они исполнять обряды
На рефлекторном уровне. Много ль надо
Чтоб быть примерными верующими? Можжегод!
Пастор на эти подначки, впрочем, молчок.
Зря его дразнит док - он и так не в себе.
Хоть и участвовал вместе со всеми в стрелобе
(Тоже, возможно, на уровне можжегодки).
В общем, пока
Мы тут сидим в отвоеванном Божьем оплоте,
И с нами тоны этак десять гниющей плоти.
Эта проклятая вошь нас скоро убьет!
А снаружи все лет и лет.

Пастор рехнулся! Пока я писал в дневнике,
Он вдруг встал и потопал с крестом в руке
На выход, нараспев твердя
Молитву о конце дождя.
Док закричал ему: "Стой, кретин!"
("Кретин", кстати, значит "христианин" -
Я это вычитал в словаре
Задолго до, еще в январе.)

А Джини ответил: "Да пусть идет,
На фиг нам спятивший идиот?"
И, разумеется, поднял ствол,
Чтобы обратно тот не пришел.
Я дернулся остановиться, но решил - к чертям,
Его вода и припасы достанутся нам.
Он вышел с молитвой на улицу и - ничего!
Последние капли упали за миг до того.
Конечно же, это лишь совпадение,
Но пастор уверен, что - провидение.
Что Бог избрал его нас спасти
И отведет угрозы с пути.
Хуже того, похоже, и Джини
Уверовал вместе с ними.
Док пытался шутить, как водится,
Но Джини велел ему рот заткнуть.
Так или иначе, турки расходятся.
Мы продолжаем путь.

Выйдя сегодня в дорогу рано,
Направились в маленьком городке
На вертолет береговой охраны,
Хоть мы от берега вдалеке
(Миль шестьдесят, если нас не подводит карта).
Он приземлился прямо на крышу "Кеймарта".
Черт его знает, куда девался пилот,
Хотя его участь предположить нетрудно.
Но Том говорит - не умеет водить вертолет,
Совсем другой, мол, тип воздушного судна.
Джини был на него ужасно сердит -
Уже представлял, небось, что летит.
Хорошо хоть пастор не начал нести свой вздор,
Что, мол, и этому вертолету нас вывел Бог.
Сомневаюсь, что даже Иисус завел бы мотор,
Если аккумулятор сдох.
Сам супермаркет еще на подходе смердел,
Внутри - просто месиво из разорванных тел.
Но мы, дыша через рот, обследовали проходы,
Разгребая гнилые трупы,
И были вознаграждены: нашими консервы и воду,
А еще варенье и крупы.

Я вот думаю - погода назад меня
От такой бы картины тошнило два дня,
Я бы есть, наверно, не смог неделю,
А мясо - вообще уже никогда,
А сейчас мы с большим аппетитом едим.
Выживание не для брезгливых, да.

Нет ни дождей, ни этих. Жизнь хороша.
Только патронов тоже нет ни шмща.
С той самой бойни в церкви найти не можем.
Пастор считает все это знаком Божиим -
Мол, нас ведет господь, и патроны нам не нужны,
Ибо насшие мы отвергнуть вовсе должны,
И топать без всяких сомнений
Долиною смертной тени,
И, ежели мы не убоимся зла,
Господь успокоит нас посредством жезла,
Умалит голову нашу,
Нальет нам полную чашу,
И приведет нас прямо к аэропорту.
Джми бы раньше послал такие идеи к черту,
А нынче, наоборот,
Смотрит пастору в рот
(Хоть свой автомат не выкинул, а несет).
В общем, они идут напрямик вперед,
Мы с доком против того, чтоб лезть на рожон,
Не пополнив боезапас,
Но когда это тот, кто верой вооружен,
Слышал разгласа нас?
И хрен бы с ними двиня, но вот что скверно -
Том тоже присоединился к Джмю.
Скорее, поддался его нажиму,
Хоть, слышал я, летчики суеверны...
А без него нет смысла вдвоем оставаться,
Вот и плетемся следом - куда деваться?
В конце концов, гарантии нет нигде -
В жизни этой троицы есть резон:
Может, важнее дойти, пока нет дождей,
Чем неизвестно сколько искать патроны?
Эх, была не была!
Такие дела.

В бумажке уже видно башню аэропорта,
Но он со всех сторон окружен домами,
Дорога достоя была для нас куском торта,
Но дальше можем нарваться по полной программе.
Сколько там жило народу - под миллион?
Прежде мы избегали мест столь массовой смерти...
Пастору все нипочем, конечно - он
Одно лишь твердит: мол, верите.
Док утешает: мол, если в подобном месте нарвемся,
Сколько б патронов ни было, не отобьемся,
Если их будут тысячи. Хотя до сих пор
Мы не видали настолько большую стаю.
Скорее тут много мелких, а так считаю,
А мы-то вполне реально давать отпор
Если есть, чем стрелять...
Впрочем, это бесплодный спор -
Не век же сидеть и ждать.
Идем вперед, решено.
На улицах тихо и пусто. Трупов и тех не видать.
Много следов пожаров, но это было давно.
Пастор что-то бормочет про благодать.
Черт, я не похож на христову оверку,
Но если мы доберемся - поставлю свечку
В самой большой мельбурнской це

Вот что вышло. Мы были уже в конце
Длинной улицы недалеко от аэродрома
И тут из крайнего дома
Вывалилась толпа - наверно, целая сотня.
И я отчетливо понял: цирк сегодня.
Почему-то даже не верил, что убегу...
И тут пастор, воздевши руки с крестом,
Потопал прямо навстречу врагу -
Этих, стало быть, обращать в свою веру!
Слава Богу (ха-ха!), ни Джими, ни Тони
Не последовали его примеру.
Только стояли и тупо глядели.
Эти и сами как будто сперва обалдели,
Ну а потом... Ясно, что было потом.
Пока они его рвали,

Мы сумели ударать.

Если б не эта задержка, то я едва ли
Сейчас писал бы в эту тетрадь.

Ну, как говорится, мир праху.

Хотя нет ни мира, ни праха - одни ошметки.

Интересно - верил ли он до конца?

Вряд ли - вопил от боли и страху,

Покуда хватало потки,

А отнюдо не полмиса.

Джини, во всяком случае, полностью исцелился

И снова верит лишь в силу свинца.

Ну вот и слава тому, кого нет.

Сейчас мы прячемся в доме у перекрестка.

Здесь никого не было - только скелет

Маленького ребенка,

Объединный крысами, да мушья кошки в полоску.

На углу напротив - бензоколонка.

Она из окна прекрасно видна,

Неплохая там, кстати, цена.

Над крышей дома - круглая башня,

Оттуда хороший обзор. Вчерашний

День провели мы там, наблюдая,

Как по округе шастают стаи.

Картина складывается простая:

Мы здесь застряли, и наше дело - труба.

До аэропорта, как до Китая

(Хоть он и виден в окно),

И выбраться вспять из города не судьба.

В принципе, это даже смешно:

Если б нам не повезло столь легко

Забраться в город так глубоко,

Мы бы еще могли отступить...

Хочется пить.

Мы экономим воду.

Но, как ни снижай расход,

Мы ведь не можем вечно прятаться тут...

Слава не знаю кому, что хоть эти на штурм не идут.

Док, долгие всех наблюдавший за нами вчера

Уверяет, что они поделили город на сектора

И прочесывают округу,

Не мешая друг другу.

Это, мол, уже следующий уровень координации...

К чему у них дело идет? К собственной нации?

Что-то я в это не верю. У них же жижка вместо мозгов!

Но док говорит, что не стоит недооценивать наших врагов,

Мол, муравьи и термиты

По отдельности тоже не мозговиты..

Еще, как утверждает док,

Он заметил среди них беременных. Правда, срок,

Очевидно, больше, чем время заразы,

Но, если плод не был отторгнут сразу,

Возможно, они способны на размножение

Не только методом заражения.

То есть, если мы полностью выйдем, им это не мешает.

Ах, как это утешает!

Снаружи какой-то шум.

Потом допишу.

Это был танк! Весо в засохшей грязи и крови -

Видно, этих немало передала -

Медленно полз, за собой оставляя полосы,

В траках запутались длинные женские волосы.

Башня, правда, торчала куда-то вкось

(Как оказалось позже, там сломана ось,

Да и вообще латкасть раздолбана в хлам),

Но это мы выяснили потом,

А пока залегли у оков, прижав к стволам,

Вполне себе отчет отдавая в том,

Чего стоят все наши игрушки

Против танковой пушки.

С чего бы им вдруг стрелять в нас первыми?

А хрен их знает, что у них с нервами,

Может, рефлекс, а может, им просто такое нравится...

Танк въехал на бензоколонку, желая, как видно, заправиться.

Из люков лениво выбрались трое -

Прямо эпические герои:

Полуголые, бритые, но у каждого два ствола,

Разгрузки, подсумки, гранаты и все дела.

Двое, взяв инструменты, насос и шланги,

Пошли, чтобы вскрыть подземный люк

(Заправляются без электричества - тот еще трюк),

Третий остался в танке
С пулеметом товарищей прикрывать.
В нашу сторону никто и не глянул -
На вторые этажи им было плевать,
Лишь бы с улицы никто не нагрянул.
Но на улице было тихо, не звука.
Тогда из переднего люка
Вылез водитель, чтоб прямо с брони отлить.
Тут Джин и начал палить.
Док воскликнул: "Зачем?!" Они нам не угрожали,
Да и патронов у нас осталось на раз...
Но, раз уж Джин начал, мы поддерживали:
Тут уже - или мы их, или они нас.
Джин с первого выстрела
Вынес позги пулеметчику, словно в тире.
Я снял сыкуна по-быстрому -
Все же почтись, парень, надо в сортире.
Третий, отбросив шланг, заорал: "Прикрой!"
И ломанулся к танку, пока второй
Был очередью по окнам, но добежать не смог -
Кто-то его достал, кажется, док.
Последний был из-за колонки, потом отбежал к магазину,
Видно, опасаясь взрыва остатков бензина,
Сыпались стекла и щепки, над нами пули визжали,
Люстра грохнулась с потолка,
Мы не отвечали - просто лежали,
Вжимаясь в пол,
У нас оставалось не больше патрона на ствол,
И мы ждали шанса, чтобы - наверняка.
Затем он, как видно, устал
Или тоже решил побережь патроны -
Короче, стрелять перестал.
Слышны были только стоны,
Ругань и крик -
"Твою мать, помоги мне, Дик!"
Кто-то из его друзей был еще жив,
Но он не откликнулся на призыв,
Не рискнул выходить на открытое место,
Не зная, живы ли еще мы.
Впрочем, мы и не ждали широкого жеста -
Эпоха всеобщей туши

От иллюзий чистит ум.
Но мы знали, что он не уйдет и прогов -
Не затем, чтоб раненому помочь,
А затем, что и самый тупой танк
Ни за что не бросит такой танк.
Будет ждать, вслушиваться и смотреть.
Как и мы. Терпение решит, кому умереть.
Одинокий выстрел - щелк!
И раненый смолк.
Милосердие, или просто крики достали?
Несущественные детали.
Мы обратились в слух,
(Он, очевидно, тоже),
Боясь спугнуть даже мух,
Ползающих по коже
(Их в этом городе, кстати, полно)
Мы ждали, казалось мне, целый час,
И наше терпение было вознаграждено -
Он поверил, что пересидел нас,
И, даже не попытав обойти дом кругом,
Попытка бегом
Скорей запрыгнуть в свой танк.
Банг! Банг! Банг!
Три пули - Тома, моя и Джима,
И все три - мимо!
А затем - только клик-клик:
Больше нам нечем стрелять!
Однако Дик
Не мог это знать -
И бросился вспять!
Назад в магазин. Выходит - пат?
А потом вдруг вновь заработал его автомат.
Но не по нам. Ну да - пока все внимание было
На перекрестке, эти пробрались с тыла.
Наверно, он мог бы отбиться от стаи,
Но что там случилось внутри, не знаю -
Заело патрон? Рикошет?
Но он не отбился, нет.
Мы дружно болели за этих,
Пока они рвали Дика,
И я лишь позже заметил,

Как это, по сути, дико.

"А теперь, - я повернулся к Джинну, -
Все-таки, зачем, скажи, мы
Их убьём?"

Джинн пожал плечами:

"Нам нужны были
Их патроны и танк.

Ты ж не думаешь, что они б нам его подарили
Вместе с кнутами
За просто так?"

"Но если б мы мирно поговорили,
Могли бы вместе поехать в аэропорт,
Взять друг друга на борт:
Они нас на танк, мы их в самолет,
У них патроны, у нас пилот."

"Они бы просто забрали Тома.

Прочие ни-то на что мы?

Делиться с нами? На кой?"

"Что ж, логично. Вы с этим согласны, док?"

И тут я вижу, что тот зажимает бок
Блестящей красной рукой
А сам совершенно белый.

"Доктор, что с вами?!" "Меня задело..."

Не смертельно... но надо перевязать..."

"Что же вы, не могли раньше сказать?"

Ведь прошло больше часа!" "Минут сорок пять.

Сам не сразу заметил - а там решил, что повременю:

Он мог бы услышать нашу возню."

В общем, мы помощь ему оказали -

Рану промыли и перевязали

Под его руководством. Он потялся острито,

"Врачу, исцелися сам" говорит,

И - "Жаль, у меня нет матки,

Тогда бы я точно знал, как ставить заплатки."

Но, остри не остри,

Пуля осталась внутри.

И я знаю, что каждый подумал: док

Теперь уже не ходок,

И хотя он, возможно, нас

Своим терпением спас,

Тратит лекарства и воду

На того, кто не годен к походу,
Мы бы не стали еще вчера.
Но теперь иная пора:
Теперь-то мы не пойдём - поедем!
Лениво постреливая по этим,
И аэропорт - всего в паре миль, не далее.
Надеемся, пока долечат уже в Австралии.
Пока мы возмись с ранеными, эти ушли,
И мы потопали вниз собирать трофеи.
Там, ясно, повсюду кровь, кишки и трахеи,
Однако стволы и патроны мы все нашли -
Оружие этим совсем не нужно,
Даже бывшие копы к нему равнодушны.
В танке нас ждали еще находки:
Два цинка патронов, три ацика водки
(В нашей-то группе сухой закон -
Когда поставлена жизнь на кон,
Только последний туница
Позволит себе напиться,
А покойные, видно, слишком любили пушки)
Но ни одного не нашлось снаряда для пушки.
Ладно, мы и без пушки справимся,
Полсотни метрических тонн - не шутки!
Сейчас вот только заправимся -
Сначала танк, потом наши желудки,
И можно будет отсюда свалить.
Надеемся, Джими сумеет рулить.
Он служил в армии, ездил на БТРе -
Хоть какой-то опыт, по крайней мере.
Эти ведь четверо были тоже
На проди-танкистов отнюдь не похожи.
Правда, Джими, осмотрев машину,
Кроет их от души, но,
Пусть танк и в плохом состоянии,
Но пару миль расстояния
Уж как-нибудь проползет.
По крайней мере, пока нас везет.
Ух, и накатал я
Сегодня в тетрадь!
Аж рука устала.
А теперь - жрато!

Интересно, какое все же число? Уже ноябрь, вероятно.
Впрочем, какое это теперь имеет значение...
Итак, наши последние злоключения
Начались с того, что поездка не стала приятной:
Двигатель перегревался, в багжне стояла жара -
Климат-контроль не работал, воняло горючим...
Недаром те четверо были раздеты вгера.
Так только издали кажется непобедимо-могучим,
А на самом деле, в отличие от грузовика,
Способного пересечь два материка,
Имеет весьма ограниченный запас хода,
Особенно когда им управляют такие уроды.
Я, конечно, шло в виду ту четверку -
После них провести бы не только ремонт, но и уборку:
Весь пол в плевках и окурках!
Но хватит об этих придурках.
В общем, пускай без комфорта,
Но мы доползли до аэропорта,
Забор завалили весьма лихо
И въехали внутрь. Все было тихо.
Разбитые окна нижнего этажа,
Груда рассыпанного багажа,
Ветер треплет траву какое-то на рулежке,
У брошенной возле выхода "неотложки"
Спущены три колеса,
Перегороженная "пожарными" полоса
(Почему-то, к счастью, одна - другая свободна),
И самолеты - почти какие угодно.
Два из них обгорелые,
Но большинство вроде целые.
Джон крикнул Тому:
"Выбирай, что мы
Возьмем, чтобы дотянуть до Австралии?"
Том как будто уверен был не совсем.
"Вон же "Боинг 777"
Компании Alitalia, -
Ткнул пальцем я, - Как раз то, что надо."
"Хм... такая громада?
Я думал, помилем какой-нибудь бизнес-джет..."
"У нас что, ограничен бюджет?"

Сам говорил - ты на таких летах."

"Да, конечно", - Том больше спорить не стал.

Стали искать заправщик. В двух было пусто. Третий -

Я так и ждал, что оттуда полезут эти -

Нет, был полон под крышку.

Заливай и лети.

Если эту малышку

Сумею завести.

В кабине, кстати, нашелся ключ,

И я подумал, что я безум,

Но с толкача не запустишь - чертов прогресс, да-да,

Трансмиссия-автомат добралась и сюда.

Я сказал: "Вынем аккумулятор из танка."

Но Джим предложил: "Сперва эту лоханку

С топливом отбуксируем к самолету,

А там уже сделаем всю работу."

На это никто, включая меня,

Не возразил. Звучало логично,

Чтоб все было рядом - оружие и броня,

Самолет и заправщик, и мы лично.

В общем, я сел за руль бензовоза,

Ракетный док - к пулемету, найдя удобную позу,

Том в башне остался, как самый необходимый,

Джим газанул, танк выпустил струю дыма,

Начал толкать машину вперед...

Кто ж знал, что вот тут-то он и ухнет?

Тыр-тыр, дерг-дерг -

Не, это в морг.

Короче, застряли на ровном месте.

До "Боинга" ядов, наверно, двести,

А терминал пока еще близко,

Что, разумеется, фактор риска:

Тихо-то тихо, а что там внутри -

Кто б стал держать пари?

Делать нечего: Джим стал скорее

Из танка вытаскивать батарею,

Том помогал; я же пока

Влез под капот грузовика.

Там все так прижалело, что нипочем,

Аккумулятор не выкрутить и клячом!

И вот эти двое тащут из люка

Свою Батарейю (тяжелая штука!),
Я мучаюсь, утирая пот,
Засунув голову под капот,
И вдруг - запах? звук? - замечаю хари
В каком-нибудь яре! Чертовы твари
Подобрались к нам с той стороны,
Где были за грузовиком не видны!
Я сметал на бетон спиной вперед,
Как ничего не сломал - черт разберет,
Хотя болит до сих пор...
Док начал лупить в упор
Дырявя насквозь
Нам бензовоз -
Кабину его, мотор...
Том, Батарейя и Джин рухнули в люк,
После Джина снова вылез, стреляя с двух рук,
А со стороны терминала
Новая орда наступала.
Я сперва просто лежал
Ошущенный, потом нажал
На спусковой крючок -
Молчок.
Закликило при падении.
Пришлось переждать нападение,
Заползши меж гусениц, танка.
Но в итоге атака
Захлебнулась. Крупнокалиберный пулемет
Кого хошь отобьет.
Наши потери меньше, чем у врага:
У Тома отбита нога
Упавшего Батарейей: раздроблены пальцы.
Плохой сторпиз для скитальца,
Но нам уже больше не топать вдаль,
И он заявил - сможет жать на педаль.
Цистерна заправщика - гуде, но не пробита,
Зато кабина больше похожа на сито,
Текут, как из лейки, масло и охлаждалка...
Но альтернативы поблизости нет, как ни жалко.
Пока все не вытекло, мы как можно быстрее
Все же достали из танка чертову Батарейю,
Плюхнули сверху - прямо на дохлую, да,

Перекинули провода,
Тыр-тыр, дерг-дерг -
Завелся! Восторг!
Задран капот, клубы дыма и пара -
Прямо машина ночного кошмара.
"Пока не заглохла, скорее, док!"
А он нам в ответ:
"Мельбурну передавайте привет,
А я уже не ездок.
Останусь тут в качестве дота -
Прикрою вас из пулемета."
Мы слы, конечно же - что за бред?
Рама же не смертельна? "Формально - нет,
Если есть, кому провести операцию,
Но у вас не хватит квалификации.
Проблема - в кровотеченье внутри,
И мне остается часа два-три,
А лететь до Австралии - чуть не полдня.
Так что езжайте, не ждите меня,
Пока этот ваш грандулет и впрямь не заглох."
"Прощайте, док, - сказал Джим. - Да хранит вас Бог."
До "Боинга" мы доехали. Встали возле крыла,
Шланг вытянули, закинули, все дела -
Насос работает, в баки льем керосин.
Вдруг - снова палоба со стороны терминала,
И, кажется, снова их было немало,
Но док, видно, справился - к нам не дошел ни один.
Мотор наш заглох, но мы залили каждый бак.
Теперь остался пустяк -
Запустить турбины.
Оставив Тома нас прикрывать из кабины,
Мы с Джимом сходим за трапом, брошенным неподалеку,
Вручную его подогнали к "Боингу" с боку,
Ползли в кабину: я, хромотущий Том
И Джим (спиной вперед, обводя округу стволом).
Дверь открылась легко. В креслах сидели пилоты -
Скелета в остатках формы гражданского флота,
Пристегнутые ремнями,
С оторванными головами.
Мы выбросили их наружу, не думая даже
О том, почему же в таком состоянии тела экипажа.

Том сел в левое кресло, предложив мне правое место -
Роль второго пилота, что было, признаться, лестно
(Хоть я и не думал, что он может выбрать Джинна -
Летать мы одни из нас не умели,
Но я хоть какой-то диплом имел -
Тщеславие в нас неуничтожимо.)
Джинну в кабине сесть было негде; он
Открыл, соответственно, дверь в салон,
Я успел обернуться на звуки...
Скала зубы, вытянув руки,
На нас толпой ломаясь эти -
Полный салон! И все - дети!
Не старше, наверное, десяти -
Видно, их собрали, пытаясь спасти,
Вывезти, может, и в Мельбурн. Но кто-то был заражен.
Из нас троих только Джинн оставался вооружен
(Мы-то успели все сложить на полу -
Не сидеть же в кресле, спиной прижавшись к стволу),
Но Джинн не стрелял! Не сумел? Едва ли -
Прежде мы этих всегда убивали,
Возраст и пол не принимая в расчет,
Но, видно, Джинн не хотел повредить самолет.
Узрев это, Том,
Даром что хром,
Вылетел пулей из кресла на трап
(Взяв автомат попытался хотя б!)
Тем временем Джинн
Пытался этих сдержать,
Но натиск был неудержим.
В последний миг я помог ему дверь прижать,
Пытаюсь закрыть защелку -
И никакого толку:
Сломан замок!
Я бы и раньше мог
Помочь, как погибли пилоты...
Я кричу Джинну: "Что ты
Думаешь делать?" (А дверь от толчков дрожит.)
Он: "У меня топор в рюкзаке лежит,
Дай мне его! Их можно по одному
В узком проходе рубать!" Я подал топор ему,
Сам взял его автомат -

И тут нас мощный толчок отбросил назад
Раньше, чем Джин ожидал.
Он на кресло упал,
Сверкнул металл,
Блеснул оскал,
Я саданул прикладом
В детскую розгу рядом
И, говоря по совести, деру дал.
Какое там "по одному" - сразу минимизи трое,
За ними другие, и если б я вздумала играть в героя,
То все равно бы его не спас
И ничего б не писал сейчас.
Сколько они провели в салоне - недели,
Месяцы? Что все это время ели,
Пилили пилотов и стюардесс?
Друг друга, конечно. И шел процесс
Естественного отбора.
Те, что остались - та еще свора.
(Черт, перед кем я оправдываться за драк?)
И вот мы с Томом слышим, как орет Джин.
"Пока они его рвут, откатили трап?"
А Том мне: "К черту! Бежим!"
У нас на двоих один автомат,
Тридцать патронов, а этих - штук шестьдесят...
(У Тома вообще оружия нет -
Я ему отдал свой пистолет.
Все остальное осталось в кабине.)
И вот мы бежим по бетонной пустыне -
Я впереди, за мной ковыляет Том,
Вцепившись в мое плечо,
В затылок дыша горячо,
А чуть поодаль - за нами эти куртом.
От взрослой стаи Тому бы не удрать
(И я б его бросил, не стану врать,
При всей его ценности как пилота,
Мне вместе с ними помирать не охота),
Но у детей, даже этих, короткие ноги.
В общем, мы побежали в итоге,
Не тратя патронов, к танку, надеясь на дока
И пулемет, что нас возьмут под опеку.
И видны - от терминала новая стая

Прет нам навстречу, и непростая -
Больше всех прежних. "Док! - я кричу. - Док!"
Однако и он - молчок, и пулемет - молчок.
"Он мертв или без сознания! Не успели!" -
Том меня тянет куда-то вбок.
"Не оставлять же и пулемет трофеем -
Надо сделать ровок!" -
Я сбрасываю его руку,
Игнорируя вопль: "Стой, сука!"
И лчусь прямо к танку, как только могу,
Стрелять начиная еще на бегу.
Раньше их я добежать не сумел,
Но огонь эффект возымел.
На башне валялись три мертвеца,
Но у дока осталось лишь пол-лица.
Надеюсь, когда они добрались до него,
Уже он не чувствовал ничего...
Я всадила весь магазин по лезвиям со всех сторон,
Том, кажется, тоже истратил последний патрон
По таившимся следом за нами. Я крикнула "Пригнись - зацеплю!"
И вот он ползет на карачках, а я луплю
Из пулемета то по деткам,
То по их возможным предкам.
В общем, спасти-то я его спас,
Но растратил боезапас,
А эти все прут и прут - такая морока!
Оставив ии тело дока,
Мы с Томом захлопнули люк.
И вот уж полдня в этом танке
Сидим, как в консервной банке,
А эти бродят вокруг.
Побродят и разойдутся, верилось мне -
Куда там! Слышно, как топчутся по броне.
Ии нас не достать, ии их не прорвать -
Гребанный пат, вашу мать.
Тасцел идеи, одна другой превосходней:
Коктейли Молотова, к примеру, пошли б на ура,
Но ради того, чтоб в танке было свободней,
Мы выкинули всю водку еще вчера.
Если бы мы не бросили в "Бойнге" весь арсенал...
Если бы мы заранее подожгли терминал...

Если бы, если бы...

После всей нашей борьбы

И всех, кого мы потеряли,

Трудно поверить, что мы так туго застряли.

Впрочем, когда-то ведь и "Титанику"

Айсберга легкий толчок

Казался лишь чепухой...

Я всегда ненавидел панику,

Но, как сказал бы док -

Прогноз плохой.

Вторые сутки в танке сидим без воды,

Что, кстати, не отменяет малой нужды,

Вдобавок к тому же Толм

Мается животом,

И нетрудно понять,

Как здесь должно вонять.

Сколько я видел примеров в свое время -

Все всегда забывают об этой теме:

Героям нужны патроны, вода, еда,

А туалет совершенно не нужен, да.

Этих бы умных авторов да сюда!

Впрочем, не надо - хватает и нас двоих.

А может, тут даже бродит кто-то из них...

Это бы все ерунда,

Если бы знать, как разрушить ситуацию,

Но док был, похоже, прав про координацию.

Мы пытались высунуться в люк многократно,

И днем, и ночью,

Но эти ждут вокруг и не уходят обратно,

Ждут, чтоб порвать нас в клочья.

Раньше такого не было. Не достав добычу, они разбредались.

Раньше нам, однако, и столь крупные стаи не попадались.

Словно бы весь город собрался сюда...

Может быть, у них тут какой-то, ну, улей?

Главное ведь вот в чем беда:

Их не напугать ни огнем, ни взрывом, ни пулей,

Даже будто у нас что-то такое в запасе -

От них можно сбежать, их можно убить,

Но нельзя заставить их отступить.

И дело тут не в потребности в мясе -

Разве мы можем насытить такую ораву?
Каждый едва ли укусит хотя бы по разу...
Нет, для всех, подхвативших заразу,
Самоценен сам факт расправы.
Неужели это и есть наша суть?
Сердцевина, что остается, когда терпит крах
Не только вся высокопарная муть,
Но и базовые эмоции, боль и страх:
Не любовь, разрушается; голод - и тот не особо,
А одна только злоба, тупая лютая злоба?
При этом, объекты для злобы лица,
Они научились действовать сообща:
Друг друга они убивают, но только в качестве пищи.
Но мы, сохранившие разум, в них будим дикую злость.
Что там сказано в Библии о блаженстве нищих
Духом? По-моему, все сбылось.

Четвертые сутки в танке. Ужасно хочется пить.
От голода и от вони раскалывается голова.
Мозг начинает заикливаться и тупит,
Приходится заставляя себя складывать буквы в слова.
Истернав идеи позавчера, надежды вчера,
Я заявил Тому с утра:
"Нам все равно хана тут, в этой ловушке,
Но если один проберется по стволу пушки
И встанет на самом конце, над головами толпы,
Едва ли его схватят быстро: слишком тупы,
Чтоб удержать на стволе баланс..."
"Влезут друг другу на плечи." "Я знаю. Он обречен.
Но, пока этот сброд его рвет и тем отвлечен,
У второго появится крохотный шанс
Проскочить незаметно с другой стороны."
"Шанс ничтожный. Мы слишком надежно окружены."
"Но не будет даже такого, если оба останемся в танке."
"И кого же ты предлагаем на роль прищипки?"
Отвечает Том и смотрит, как на врага.
"Как поживает твоя нога?"
"Плохо! Мне равновесия не удержать!"
"Я не о том. Сумеешь ли ты добежать
До самолета? Надеюсь, что там внутри
Нет уже этих - вряд ли для них это дом."

"Значит, ты предлагаешь..." - опешил Том.

Я усмехнулся: "Не благодари.

Это не благородство - это простой расчет.

Меня не прельщает быть порванным в лоскуты,

Но мне все равно одному не выжить. А ты -

Ты сможешь вести самолет."

А Том застыл неподвижно, и ни гу-гу,

А потом вдруг выдал: "Нет. Не смогу."

"В смысле? Что еще за пертурбации?"

"Ладно, чего там,

Пора признаться начистоту:

Я работал и впрямь в авиации,

Но не пилотом,

А уборщиком в аэропорту."

"Какого же хрена ты нам наврал?!"

"А что было делать? Я почти умирал,

Когда вы меня нашли - я прожил бы два-три дня

Одних, без воды и патронов. И разве б вы взяли меня,

Стали б делиться со мной из простой любезности,

Если б я вас не заверил в своей полезности?"

"Ну, допустим. Но долго бы ты протянул на фальши?"

Вот привели мы тебя в самолет - а дальше?

Если б не эти? Стал бы взлетать и угробил всех?

Иль ты настолько туп, что надеялся на успех?

Думал, пилоты угатся зря?"

"Нет, я знаю - я б даже не смог

Запустить моторы. Но, по-честному говоря,

Я думал тогда лишь о том,

Как продлить свою жизнь хоть на какой-то срок -

Не о том, что будет потом."

"Ну, твою мать, молодца, Том!"

"...После решил - может, мы не найдем керосина,

Или будет плохая погода, или другая причина,

Или скажу - неисправность, надо искать другой борт..."

"А все перебравши - другой аэропорт?"

"Типа того..." "Ах ты гад!

И ради этого ты нас притащил в этот ад?"

"Ну я же не виноват -

Я же не знал

Про терминал!

С настоящим пилотом вышел бы тот же расклад..."

"Но хоть про Мелобурн - правда?" "Я правда ловил сигнал
Оттуда дольше других, однако и он пропал
Раньше на две недели,
Чем Батарейки сели.
А в последние дни -
Лишь помехи в эфире.
Думают, в этом мире
Мы остались одни."
Дать бы ему по роже!
Да не раз и не два!
Однако покой дорожке -
Слишком болит голова...

Разбудил олушительный гром -
Не гроза. Застрелился Том.
Это, стало быть, он
Приберег для себя последний патрон.
Разнес себе правый висок и бровь,
И, раз уж так обернулось,
Я ним и слизывал его кровь,
Пока она не свернулась.
Голова немного прошла,
Стало полегче. Хоть
Какая-то польза от такого осла.
Что дальше? Съестъ его мозг,
Потом оставшую плоть?
Все лучше, чем дать ей тут гнить
Или этии скормить.
Есть такое понятие - трушный воск
Я теряю нить
Есть такая болезнь каннибалов - куру
Но мне уже поздно трястись за свою шкуру
Может быть я уже заразился
И сам не заметил как преобразился?
Нет - эти не ведут дневники
Болит снова давит виски
глаза и лоб
зачем я отдал ему пистолет остолоп

не знаю какой день я здесь
там становится горьким на вкус

а съеден отнюдь не весо
надеюсь я отравлюсь
раз мне не хватает сил разбить свой череп о стены
попылся его зубами вскрыть себе вены
кровь потекла и свернулась вышло едва-едва
когда вытекает кровь не так болит голова
плюс ко всему остальному еще разболелся зуб
я ведь не тигру зубы какими кусаю труп
все можно закончить быстро достаточно открыть люк
но эти меня не полугат я не для этих сук
хрибо ерзо сожго я еще помню латынь
ессе стало быть воту вирус трава помню
или звезда неважно гудит от копыт брома
в общем-то мне не страшно но хрен ли а не меня

ночь или день не знаю в башне всегда темно
видимо эти чел-то закрыли мое окно
или что там не помню у танка вместо окна
они меня не полугат не вылезу ни хрена
или я просто слепну точнее уже ослеп
или погасло солнце и мир превратился в склеп
буду писать на ощупь пока позволит рука
есть еще паста в ручке не знаю наверняка
боже как здесь воняет хоть вроде уже привык
может я уже умер ужасно распух язык
может мне просто снился весь этот мир войне

эти меня не полугат меня не полугат не

